БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

STUDIA BIOGRAPHICA

Лица

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

7

Феникс ◆ Atheneum
Москва — С.-Петербург

1996

ББК 83.3Р 1
8 Р 1

Л-659

Редактор-составитель А.В.Лавров

Л 659 **ЛИЦА**: Биографический альманах. 7. — М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1996. 510 с., ил.

ISBN 5-85042-046-0
ISBN 5-85042-057-6

В альманахе собраны неопубликованные материалы к биографиям как известных деятелей XX в., так и тех, чьи имена не знакомы большинству читателей. Сборник содержит обстоятельно откомментированные материалы о женщинах-писательницах А.Даманской, А.Мар, Н.Санжарь, Л.Столице; дневниковые записи об А.Белом, воспоминания В.В.Шульгина, документы о Блоке, переписку Иванова-Разумника; мемуары о Волошине, Ахматовой, Чуковском и др.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся жизнью русских литераторов.

Л $\frac{4702010200\text{-}008}{Д\ 20\ (03)\ -\ 96}$ 96 без объявл.

ББК 83.3Р 1

8 Р 1

ISBN 5-85042-046-0
ISBN 5-85042-057-6 (Феникс)

© «Феникс», 1996

ПИСЬМА Н.Д.САНЖАРЬ К А.А.БЛОКУ

Вступительная статья, публикация и примечания А.Е.Заблоцкой

Имя Надежды Дмитриевны Санжарь известно сейчас лишь узкому кругу специалистов. Между тем, она участвовала в литературной жизни Петербурга, Киева и Москвы на протяжении трех десятилетий — с начала 1900-х до начала 1930-х. Роль ее была достаточно своеобразной. Самоучка, стремившаяся «пробиться в люди»; писательница, чьи книги воспринимались скорее как «психологические документы», нежели литературные произведения, она была из тех людей, о ком писал Блок: «...испепелили себя в погоне за каким-то огнем, который надеялись поймать голыми руками» (6, 36)[1]. Долгие годы Санжарь пыталась воплотить особую, созданную ею программу переустройства мира, призывая к этому и окружающих. Присущие писательнице непоколебимая уверенность в своем таланте, крайняя неуравновешенность, отсутствие такта и языкового чутья создали ей незавидную, в определенной мере скандальную репутацию. Лишь немногие современники смогли отнестись к ней с сочувствием, увидеть в ее поведении и творчестве отражение подлинных человеческих страданий.

Надежда Дмитриевна Санжарь (исконный вариант фамилии — Санжар; 1875-1933) родилась в Новочеркасске, в семье столяра — государственного крестьянина Харьковского губернии — и донской казачки[2]. Дет-

---

[1] Здесь и далее в тексте даются ссылки на издания: Блок А. Собрание сочинений: В 8 тт. М.; Л., 1960-1963 (в скобках указывается том, после запятой — страница); Блок А. Записные книжки: 1901-1920. М., 1965 («ЗК» с указанием страницы).

Автор глубоко благодарен за помощь Б.Л.Бессонову, Д.Б.Азиатцеву, А.В. Лейбовой, А.Е.Парнису, Н.А.Хохловой.

[2] Единственной попыткой осмыслить жизненный путь Н.Д.Санжарь остается на сегодняшний день получерновое предисловие к описи ее личного фонда (РГБ. Ф.266), написанное ее «душеприказчиком» П.А.Кузько в 1936. Ранние годы писательницы освещались в предисловии к повести «Записки Анны» (Изд[атель Брилиант С.М. Предисловие] // Санжарь Н. Записки Анны. СПб.: «Антей», 1910. С.III-X). Отношения Санжарь с Блоком рассматривались А.Е.Парнисом в комментарии к дарственной надписи Блока на сборнике «Земля в снегу», подаренном писательнице в 1908 (см.: Литературное наследство. Т.92. Кн.3. М., 1982. С.122-123; неверно указаны год смерти, сведения о замужестве Санжарь, вариант фамилии «Санжар» признан ошибкой в написании). Последнее *прижизненное* упоминание о Санжарь — в кн.: Клейнборт Л.М. Очерки народной литературы (1880-1923): Беллетристы: Факты, наблюдения, характеристики. Л., 1924. С.67-70 (преимущественно пересказ произведений Санжарь).

ство писательницы прошло, по ее словам, «среди бедности, пьянства и /.../ разврата»[3]: в 1880 отец попал в острог по обвинению в мошенничестве и краже[4], мать стала проституткой[5]. Детей (Надежду и ее старшую сестру) на время взял к себе дед, Михаил Авилов — сторож при новочеркасском фельдшерском училище, ставший для Санжарь единственным близким человеком (см. автобиографическую повесть «Заколдованная принцесса»[6]). Жизнь с дедом, однако, была недолгой. После освобождения отца семья переехала в Харьков (1882), где Надежда окончила начальную школу и с 11 лет начала работать — в булочной, затем, перебравшись в Киев (1889), — няней, горничной, бонной, компаньонкой (в том числе в богатых домах) и, наконец, оставшись без места, начала зарабатывать шитьем[7]. Наследием этих лет стали для Санжарь обостренное чувство социального неравенства и убеждение в порочности сложившегося отношения к женщине.

В 1898-1900 Надежда Дмитриевна работает в канцелярии губернской тюремной инспекции в Киеве. Переживает своеобразный роман с главой учреждения инспектором И.П.Сементовским[8]: препятствуя домогательствам чиновника, она пытается изменить его взгляд на женщину, заставляет увидеть в себе человека[9]. (В дальнейшем Санжарь, по-видимому, повторяла подобные эксперименты — ее взаимоотношения с мужчинами всегда были тесными и напряженными, но не переходящими в интимную близость). В конце 1900 Санжарь переезжает из Киева в Петербург.

В Петербурге первые годы бедствует, обращается за помощью в Русское женское взаимно-благотворительное общество, руководимое видными деятельницами женского движения — А.Н.Шабановой, А.Н.Пешковой-Толиверовой, А.П.Философовой, Е.П.Летковой-Султановой[10].

---

[3] Автобиографическое письмо Санжарь А.Е.Молчанову (1904?) (РГИА. Ф.678. Оп.1. Ед.хр.682. Л.1об.).

[4] См.: Ведомость справок о судимости. СПб., 1880. Кн.12. С.303, — а также фельетон в газете: Донской голос (Новочеркасск). 1880. 13 апреля. №29. С.115.

[5] Впоследствии родители Санжарь «исправились»: Дмитрий Константинович Санжар (1845-1914) работал столяром, Неонила Михайловна Санжар (Авилова; 1857 — после 1933) освоила профессию швеи. См. документы родителей в личном фонде Н.Санжарь: РГБ. Ф.266. Карт.8. Ед.хр.152-154, 165, — а также свидетельства самой писательницы: Санжарь Н. Заколдованная принцесса. СПб., 1911. С.57; Санжарь Н. Письма к тов.Адольфу (1925-28) // РГБ. Ф.266. Карт.4. Ед.хр.4. Л.64.

[6] Санжарь Н. Заколдованная принцесса. Указ. изд. С.3-26.

[7] Эти годы подробно описаны в автобиографических повестях Санжарь «Записки Анны» и «Заколдованная принцесса». См. также: [Бриллиант С.М.] Указ. изд. С.VI.

[8] Санжарь упоминает о нем в письме к А.С.Суворину от 13 марта [1902] (РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Ед.хр.3785. Л.5). См. также: Весь Киев: Адресная и справочная книга на 1899 г. Киев, 1899. С.270.

[9] Отношения с Сементовским описаны Санжарь в автобиографической повести «Письма к тов. Адольфу». Указ. соч. См. также пьесу «Нелепость» (1908?): Санжарь Н. Заколдованная принцесса. Указ. изд. С.191-234.

[10] О Русском женском взаимно-благотворительном обществе (1895-1914) см.: Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism: 1860-1930. Princeton, 1978. P.193-195, 201.

Общество дает Санжарь работу и возможность пополнить образование[11]. Познакомившись «более или менее серьезно с грамматикой»[12], она решает описать — подобно Горькому — собственные скитания[13]. Так появляются рассказы «Дедушка», «Жучка. Из дневника женщины», «Писательский талант» — прообразы будущих автобиографических повестей, — которые она посылает известным литературным и театральным деятелям — А.С.Суворину (1902), М.М.Стасюлевичу (1902), В.Г.Короленко (1903), А.Е.Молчанову (1904?)[14] и, по-видимому, самому М.Горькому[15]. Поддержки, однако, не получает.

В 1903 Н.Д.Санжарь вступает в формальный брак с переводчиком и автором биографических эссе С.М.Бриллиантом[16], который вводит ее в литературный мир. Она начинает печататься в детских журналах — «Красных зорях» К.С.Баранцевича, «Живописном обозрении для детей» (приложении к «Живописному обозрению» И.Н.Потапенко), «Тропинке» П.С.Соловьевой, «Игрушечке» А.Н.Пешковой-Толиверовой: стихи, небольшие рассказы и сказки в неоромантическом духе, в которых стремит-

---

[11] См.: [Бриллиант С.М.]. Указ. соч. С.VII.

[12] Там же.

[13] Ср. письмо Санжарь М.М.Стасюлевичу от 11 апреля [1902]: «/.../ рассказы М.Горького натолкнули меня на мысли: что почему бы и мне не рассказать публике то, что я видела в жизни» (ИРЛИ. Ф.293. Оп.1. Ед.хр.1277. Л.2).

[14] См. письма Санжарь: А.С.Суворину от 2, 13 марта, 7 апреля 1902 и два письма б.д. (апрель? 1902) — РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Ед.хр.3785; М.М.Стасюлевичу от 11 апреля [1902] — ИРЛИ. Ф.293. Оп.1. Ед.хр.1277; В.Г.Короленко от 2 декабря [1903] — РГБ. Ф.135/II. Карт.33. Ед.хр.28. Л.1-1об.; А.Е.Молчанову (1904?) — РГИА. Ф.678. Оп.1. Ед.хр.682. Из перечисленных рассказов сохранился только один — «Жучка» (рукопись приложена к указанному письму А.Е.Молчанову).

[15] Об этом упоминает П.А.Кузько в предисловии к описи личного фонда Н.Санжарь (РГБ. Ф.266. Опись фонда. Л.5об.).

[16] Семен Моисеевич Брилиант (Бриллиант, Брильянт; 1858-1931) — уроженец Киева, в 1880-х — учитель еврейских училищ в Петербурге. В начале 1890-х писал очерки для серии «Биографическая библиотека Ф.Павленкова»: биографии Микеланджело, Рафаэля, Крылова (1891); Фонвизина (1892); Державина (1893). Переводчик, издатель и редактор переводов — см.: Андерсен Г.Х. О чем рассказывал месяц / Перев. с предисл. С.Брилианта. СПб., 1890; Гофман Э.Т.А. Рассказы. Т.1 / С биогр. автора, пер. С.М.Брильянта. СПб., 1893; Шпильгаген Ф. Собр. соч. в 8 тт. / Перев. с нем. под ред. С.Брилианта. СПб., 1896; Вольтер. Вавилонская принцесса / Перев. С. М-ва [С.М.Брилианта]. СПб.: Изд. С.Брилианта, 1896 и др. В 1897-1899 — сотрудник Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. В 1914 выехал за границу; умер в Париже. См. о нем: Альбом М.И.Семевского «Знакомые»: Книга автографов. V // ИРЛИ. Ф.274. Оп.1. Ед.хр.399. Л.84об. (автобиография Брилианта, 1890-1891); Венгеров С.А. Русские книги: С биографическими данными об авторах и переводчиках. Т.3. СПб., 1899. С.191; прошения С.М.Брилианта в Литературный фонд — ИРЛИ. Ф.155: Журналы Литфонда. 1894-1911; сообщение о смерти С.М.Брилианта — Последние новости (Париж). 1931. 18 июня. №3739. С.2. Сохранились две открытки (б.д. и от 4 июня 1914) и 6 писем (1926) Брилианта к Санжарь // РГБ. Ф.266. Карт.8. Ед.хр.47, 48; Ф.144 (П.А.Кузько). Карт.11. Ед.хр.10 (открытка от 4 июня 1914 в фонде П.А.Кузько описана как автограф неустановленного лица). См.также фотографии С.М.Брилианта в личном фонде Н.Санжарь (РГБ. Ф.266. Карт.8. Ед.хр.165).

тся выразить свой жизненный идеал (добро, счастье, свобода)[17]. В 1906 заболевает нервной болезнью, лечение которой продлится несколько лет[18].

К 1907 Санжарь считает себя сложившейся писательницей. Глубоко верит в свой талант; в обществе отстаивает свое особое положение «простой крестьянки», не получившей систематического образования, резко противопоставляет себя людям «культуры». «...Думаю, вам не особенно приятно со мной сталкиваться, — пишет она профессору Ф.Д.Батюшкову. — А сталкиваться мы должны неизбежно: еще немного, и вы все должны будете дать мне, дочери проститутки, вчера еще вашей прислуги, среди вас место. Больше. Вы все должны будете со мной серьезно посчитаться»[19]. Ощущая себя носителем «человечности» (в горьковском понимании), она мечтает «образумить» мир, причем, наряду со своим творчеством, видит и другие пути для достижения этой цели.

Так, весной 1907 у писательницы возникает идея — «дать нашему обществу *моего человека* /.../, чтобы дети здоровых, сильных, человечных людей вытеснили бы, в конце концов, убогих выродков»[20]. С просьбой стать отцом ее будущего ребенка Санжарь обращается к выдающимся, по ее мнению, современникам — в частности, к профессору Ф.Д.Батюшкову и поэту-символисту, держателю литературного салона («башни») В.И.Иванову[21]. (Последнего заинтересовал ее необычный поступок[22], и позднее Санжарь станет посетительницей «башни»).

---

[17] Красные зори. 1904. №1-4; 1905. №5-8, 10-13, 15-17, 20-22; 1906. №5, 8, 11, 12, 14, 15, 20, 22, 24; 1907. №1, 3, 7, 8, 10-13, 19, 24; 1908. №1, 2, 13, 21-24; 1909. №1,7 (стихи под фамилиями Санжарь и Брилиант и псевдонимами Тетя Надя, Паяц, Три звездочки; рассказ «Весна, весна!» — 1905. №13; сказка «Одуванчик» — 1906. №15); Живописное обозрение для детей. 1904. №10 (сказка «Лебяжья пушинка»); Тропинка. 1906. №6, 7 (сказки «На огороде бабушки Матрены» и «Слезы радости»); Игрушечка. 1908. №5, 7 (сказка «Жучок» и рассказ «Каша»); для малюток: Особый отдел журнала «Игрушечка». 1908. №3 (рассказ «Яичница»).

[18] Ср. совместное обращение Н.Санжарь и С.Брилианта в Литературный фонд 12 февраля 1906: ИРЛИ. Ф.155: Журналы Литфонда. 1906. №6. 13 марта.

[19] Письмо к Ф.Д.Батюшкову от 10 декабря 1907 (ИРЛИ. 15025/LXXX1X64. Л.1; в автографе «вы», «вас» с прописной буквы). Подобный тип поведения ярко охарактеризован Е.Колтоновской в статье «Литература и "писатели из народа"» (Колтоновская Е.А. Критические этюды. СПб., 1912. С.169-173).

[20] Санжарь Н. Записки Анны. Указ. изд. С.130-131.

[21] Ср. указанное письмо к Ф.Д.Батюшкову; эпизод в «Записках Анны» (С.123-143), — разговор героини с «профессором»; шуточную телеграмму А.А. и Л.Д.Блоков и К.А.Сомова В.Иванову от 29 апреля 1907 (Блоковский сборник. 2. Тарту. 1972. С.373), а также воспоминания В.Е.Беклемишевой, в которых (без указания имени Санжарь) упоминается «история с ребенком» (Беклемишева В.Е. Встречи / Публ. Р.Б.Заборовой // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С.53). По свидетельству Беклемишевой, Санжарь обращалась также к А.Блоку и Л.Андрееву, однако документально эти сведения не подтверждаются. На то, что в шуточной телеграмме и воспоминаниях Беклемишевой речь идет о Санжарь, указано А.Е.Парнисом (Литературное наследство. Т.92. Кн.3. М., 1982. С.122).

[22] Ср. письмо Санжарь В.Иванову от 13 мая [1907]: «Так Вы на меня не рассердились, Вас не возмутило мое "нахальство" /.../ Вы хотите со мною говорить, да еще о многом, Вы хотите меня знать, меня понять?» (РГБ. Ф.109. Карт.34. Ед.хр.13. Л.3).

После неудачи с ребенком у писательницы возникает новый план — создать нечто вроде воспитательного дома — своего рода «мастерскую» для превращения в «людей» детей-сирот[23]. Были ли предприняты какие-либо серьезные шаги в этом направлении, установить трудно, но к этой идее Санжарь будет возвращаться в течение всей последующей жизни. По-видимому, думала писательница и о других путях воздействия на окружающий мир: в 1908 она сближается к кружком «одиноких» — начинающих литераторов, мечтавших об осуществлении «нового способа объединения людей» (в частности, через издание собственного сборника)[24].

В эти же годы (1907-1908) Санжарь работает над автобиографической повестью «Записки Анны» (опубликована с сокращениями в журнале «Образование» в январе 1909[25], через год вышла отдельным изданием, по-видимому, на средства С.М.Брилианта[26]). Героиня повести (читатель должен был отождествлять ее с автором) — чистая, сильно чувствующая, одаренная девушка. Она проходит путь самой Санжарь: долгие скитания в провинции, приезд в Петербург, где ее ждет то же, что прежде, — нужда и посягательства мужчин, невоплотившаяся мечта о ребенке и — после тяжелой внутренней борьбы — отказ от личного счастья и решение посвятить себя людям.

По проблематике (остро поставленный женский вопрос) и сюжетным мотивам типичная для женской прозы той эпохи[27] повесть была сочувственно встречена в «феминистически» настроенных кругах (ср. отзыв «Женского вестника»[28]). Другая особенность «Записок» — страстный обличительный пафос, высказываемые автором антиинтеллигентские настроения, роднившие его с другими писателями из народа[29], — вызвала противоречивую реакцию критиков — одобрение одних (Б.Глинский)[30]

---

[23] См.: РГБ. Ф.109. Карт.34. Ед.хр.13. Л.6-6об. Ср. также пьесу «По-своему» (1908?): Санжарь Н. Заколдованная принцесса. Указ. изд. С.73-190.

[24] См. письмо члена кружка «одиноких» А.С.Андреева к А.Блоку от 9 сентября 1908: Письма Александра Блока к Е.П.Иванову. М.; Л., 1936. С.122.

[25] Образование. 1909. №1. Отд.I. С.37-86.

[26] О С.М.Брилианте как издателе «Записок Анны» упоминает в предисловии к описи личного фонда Санжарь П.А.Кузько (РГБ. Ф.266. Опись фонда. Л.2об.). Издательство «Антей», указанное на титульном листе книги, было, по существу, фиктивным: оно не зафиксировано ни в одном справочнике, а его адрес (см.: Книжная летопись Главного управления по делам печати. 1910. №3. 23 января. С.19) совпадает с адресом, по которому жила в то время сама Санжарь (ср. ее письмо к А.Блоку от 14 января 1910).

[27] См.: Никольская Т.Л. А.Блок о женском творчестве // Блоковский сборник. 10. Тарту, 1990. С.35-36.

[28] Т.Г. Женщина о женщине в художественной литературе // Женский вестник. 1909. №5/6. С.117-118.

[29] См.: Блок и П.И.Карпов / Вступ. статья, публ. и комм. К.М.Азадовского // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С.235.

[30] Ср.: «Грубо и больно Санжар à la Горький смазала нашу интеллигенцию по лицу грязной тряпкою» (Б.Г. [Глинский Б.Б.] Надежда Санжар. Записки Анны. СПб., 1910. Стр.166. Цена 1 р. // Исторический вестник. 1910. Т.121. Август. С.668).

и негодование других (З.Гиппиус)[31]. Неоднозначной была и общая оценка повести. Искренность книги, сочетающаяся с крайней неумелостью в художественном отношении, заставила некоторых рецензентов (вслед за С.М.Брилиантом — автором предисловия)[32] увидеть в «Записках Анны» документальное произведение, «человеческий документ», дающий ценный психологический материал (отзыв А.Введенского и упомянутая рецензия Б.Глинского)[33]. Другие критики (Б.Садовской, А.Измайлов, Д.Овсянико-Куликовский, З.Гиппиус) сосредоточили свое внимание на художественной стороне повести и отметили в первую очередь ее недостатки — плохой язык, «крикливые» приемы, «истеричность» и «литературничанье» автора[34].

Если «Записки Анны» вызвали определенный интерес у читающей публики, то последующие автобиографические произведения Санжарь — повесть «Заколдованная принцесса», пьесы «По-своему» и «Нелепость», вошедшие в сборник «Заколдованная принцесса» (1911)[35], были восприняты как повтор, авторские вариации на темы первой книги[36]. Действительно, по своему стилю, пафосу, обрисовке образа героини и — отчасти — фабуле они мало отличаются от «Записок Анны».

В марте 1910 Санжарь формулирует свои взгляды на литературу. Выступая на публичном диспуте в Киеве, она говорит о необходимости оценивать литературные произведения с точки зрения «правдивости» и призывает отказаться от критерия «художественности». В этом смысле роль «маленьких писателей» (к которым Санжарь причисляет и себя) представляется ей не менее значительной, чем «великих» (Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов). Наряду с великими сочинениями, гениальными догадками и прозрениями должна жить и смело себя проявлять простая, непритязательная книга правды», — считает писательница[37].

---

[31] Ср.: «Прежние Ломоносовы /.../ шли *учиться* /.../ не то мы наблюдаем у всевозможных Пименов Карповых, Сивачевых, Санжарей и т.п. Не учиться они идут, а *учить*» (Крайний А. [Гиппиус З.Н.] Литературный дневник // Русская мысль. 1911. №6. Отд.II. С.17).

[32] См.: Санжарь Н. Записки Анны. Указ. изд. С.III.

[33] Басаргин А. [Введенский А.И.]. Переплавка души // Московские ведомости. 1909. 28 февраля. №48. С.2. См. также: Séménoff E. Lettres Russes // Mercure de France. 1910. T.4. №316. 16 août. P.737-742.

[34] Ртух [Садовской Б.А.]. Обзор русских журналов // Весы. 1909. №2. С.87; Измайлов А. Новые книги // Русское слово. 1910. 17 (30) апреля. №88. С.2; Овсянико-Куликовский Д. Литературные беседы // Речь. 1910. 2 (15) мая. №118. С.2.

[35] Этот сборник, как и «Записки Анны», был издан С.М.Брилиантом — ср. предисловие издателя (С.V-XI).

[36] Ср. едва ли не единственный отзыв на сборник «Заколдованная принцесса»: Измайлов А. Новые книги // Русское слово. 1911. 5 (18) февраля. №28. С.2. См. также более позднюю рецензию Д.И.Выгодского на книги Санжарь «Записки Анны» (Изд. 2. М., 1916), «Заколдованная» (Изд. 2. М., 1916), «По-своему» (М., 1916): Летопись. 1916. №7. С.310 (Подпись: Д.В.).

[37] Санжарь Н. Книга и жизнь // Киевские вести. 1910. 22 апреля. №108. С.2. Ср. пересказ доклада в статье: Л.В. [Войтоловский Л.Н.]. Новейшая литература и переживаемый ею кризис: Диспут в зале коммерческого собрания // Киевская мысль. 1910. 30 марта. №89. С.2.

В это же время Санжарь предпринимает попытку философского осмысления своего жизненного опыта: на основе анализа собственной судьбы она стремится решить проблемы всего человечества. При этом, несмотря на свое сдержанное отношение к «новому искусству»[38], она обращается к символистской «идеологии» — представлении о жизнетворчестве и «приятии зла», которые пытается соединить с горьковским пафосом величия человека. Так появляется «исследование о человеческой сущности» — «Книга о человеке. Первая» (1910-1913; первоначальный вариант под заглавием «Тетровский»)[39].

Исходное положение «Книги...» — мысль о всеобщей взаимосвязи явлений: в мире «перемешаны» «вред и польза, добро и зло, радость и горе»[40]; зло «существует /.../ для того же, для чего существует и добро»[41]. Отсюда — возможность использования зла как творческой силы, необходимой для преобразования («очеловечивания») людей. Реально это может быть достигнуто посредством особого игрового поведения («зло» в данном случае — притворство, ложь), направленного на искоренение пороков (например, безнравственного отношения к женщине) или добывание денег для помощи обездоленным. Эту «деятельность» Санжарь называет «творчеством новой жизни» (ср. также письмо к Блоку от 6 января 1914) и видит в ней путь к счастливому будущему.

Свою концепцию писательница иллюстрирует примерами из собственной жизни, а также «вымышленной» историей о встрече с Тетровским — «художником жизни», демонстрирующим ей свое искусство: Тетровский внушает героине любовь к себе, искусно инсценирует роман, а затем себя разоблачает. «Тетровский /.../ — это я», — пояснит Санжарь в письме к Блоку от 10 января 1914[42].

Работая над «Книгой о человеке», писательница мечтает о воплощении своих идей. В 1911-1914 — сама не имея достаточных средств к существованию — она помогает нуждающимся литераторам — П.Карпову[43], Д.Дарскому, Г.Русинову (ср. письма Санжарь Блоку от 26 декабря 1913, 6 и 9 января 1914), расценивая материальную поддержку как средство «очеловечивания». Стремясь «проверить» свой «путь», обрести единомышленников, Санжарь обращается к известным писателям: по-

---

[38] Ср.: Санжар Н. Книга и жизнь. Указ. изд. С.2.

[39] Санжарь Н. Книга о человеке. Первая. М., 1916.

[40] Там же. С.9. По-видимому, эта идея возникла у Санжарь под влиянием теософской литературы: мысль о всеобщей «перемешанности» связана в сознании писательницы с представлением о многократном переселении душ (ср.: Там же. С.12, а также письма Санжарь к Блоку от 27 января 1910 и 26 декабря 1913). О роли идеи переселения душ в теософских учениях см.: Бердяев Н. Учение о перевоплощении и проблема человека // Переселение душ: Проблема бессмертия в оккультизме и христианстве: Сб. ст. Paris, [1936]. С.65.

[41] Санжарь Н. Книга о человеке. Первая. Указ. изд. С.53.

[42] О Тетровском см: Там же. С.35-90. «Книга о человеке» вызвала в основном отрицательные отклики; см. обзор рецензий: Бюллетени литературы и жизни. 1916/17. №5. С.71-73. (Без подписи).

[43] См. письма Санжарь П.И.Карпову (1911-1914) (РНБ. Ф.124. Ед.хр.3864) и А.С.Серафимовичу от 26 февраля 1926 (РГАЛИ. Ф.457. Оп.3. Ед.хр.84. Л.1об.).

сещает Ясную Поляну (31 мая 1909)[44], посылает свои книги и рукописи В.В.Вересаеву (1911-1912), В.Я.Брюсову (1912), В.Г.Короленко (1913)[45]. Однако всех, за исключением Вересаева, писательница отталкивает своей манерой поведения. «...Женщина с двумя огромными конвертами, требующая, чтоб я прочел... "крик сердца". И тщеславие, и мания авторства, и корысть. Я огорчился — надо б[ыло] спокойнее», — описывает свое впечатление Л.Н.Толстой[46]. «*Санжар*. Нелепая *ругня*!!» — помечает на ее письме от 26 августа 1913 В.Г.Короленко[47].

В этот же период Санжарь обращается за поддержкой и к А.А.Блоку.

Блок впервые услышал о Санжарь еще в 1907 от Вяч. Иванова, рассказавшего поэту о небезызвестной «истории с ребенком». 29 апреля 1907 А.А. и Л.Д.Блоки и К.А.Сомов посылают Иванову шуточную телеграмму: «Дан ли зародыш. Не скупитесь»[48]. Этот эпизод, однако, вряд ли запомнился поэту: через полтора года, когда состоится его личное знакомство с Санжарь, ее имя будет вызывать у него совершенно иные ассоциации.

Первая встреча Блока с Санжарь происходит 7 декабря 1908 в доме Е.П.Иванова, близкого друга поэта, где присутствуют в тот день члены кружка «одиноких» (Е.Иванов был связан с «одинокими» через своего сослуживца А.С.Андреева). «7 декабря был я у Жени на рождении его. Тогда же связался опять с Либерсон (основательница кружка одиноких) и г-жой Санжарь (казачка, сегодня буду слушать ее пьесу /.../)», — сообщает Блок матери 14 декабря 1908 (8, 268)[49].

Осень-зима 1908 — время увлечения Блока общественной деятельностью. Поэт ищет пути решения проблемы «народа и интеллигенции», ощущает потребность выйти к широкой аудитории, найти новых людей.

---

[44] Встреча с Толстым подробно описана в «Книге о человеке» (С.178-182). Дату посещения Санжарь Ясной Поляны позволяет установить запись Толстого, без сомнения, относящаяся именно к ней. См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.57: Дневники и записные книжки: 1909 / Подг. текста и комм. Н.Н.Гусева. М., 1992. С.78.

[45] См. письма Санжарь В.В.Вересаеву от 10, 29 декабря 1911, 24 января 1912 (РГАЛИ. Ф.1041. Оп.4. Ед.хр.361); В.Я.Брюсову от 17 февраля, 9, 17, 20 марта 1912 (РГБ. Ф.386. Карт.102. Ед.хр.12); В.Г.Короленко от 1, 5, 23 июля, 26 августа 1913 (РГБ. Ф.135/II. Карт.33. Ед.хр.28. Л.2-10об.).

[46] Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.57. М., 1992. С.78 (запись в дневнике от 1 июня 1909).

[47] РГБ. Ф.135/II. Карт.33. Ед.хр.28. Л.10. См. также письмо Брюсова к Санжарь от 19 марта (РГАЛИ. Ф.56. Оп.1. Ед.хр.75).

[48] Блок А.А. Письма к Вяч. Иванову (1907-1916) / Публ. Е.Л.Белькинд // Блоковский сборник. 2. Тарту, 1972. С.373.

[49] 7 декабря Блоком была сделана дарственная надпись на книге «Земля в снегу» (М., 1908): «Многоуважаемой Надежде Дмитриевне Санжар. *От автора*. 7 декабря. 1908. СПБ». (Литературное наследство. Т.92. Кн.3. М., 1982. С.122).

«Одинокие» для Блока — люди, способные воспринять его идеи (ср.: 8, 252; ЗК, 114); размышляя о них, он приходит к выводу: единственный способ преодоления одиночества — «приобщение к народной душе и занятие общественной деятельностью» (ЗК, 114).

Как и «одинокие», Санжарь привлекает поэта прежде всего уникальностью своего жизненного опыта. «...Она — типа людей случайно не самоубившихся /.../», — пишет он матери в письме от 14 декабря (8, 268). Отражение психологии одинокого человека Блок мог увидеть и в ее пьесе (какую пьесу слушал поэт — «По-своему» или «Нелепость», неясно, но для обеих характерен ярко выраженный автобиографизм).

Общение Блока с Санжарь, однако, вряд ли было в этот период плодотворным: писательница была исключительно далека от блоковской идеи «общественности», а ее представление о себе как о «дочери народа» не могло казаться поэту оправданным («одинокий», по Блоку, — человек, утративший связь с «народной душой»). Наступившие вскоре разочарование Блока в общественной деятельности, глубокая личная драма (смерть сына Л.Д.Блок) и последующий отъезд в Италию приводят к полному прекращению его отношений с Санжарь.

В начале 1910 общение возобновляется. Санжарь, ощутившая потребность во внутренней поддержке (в это время была задумана «Книга о человеке»), посылает Блоку только что вышедшие «Записки Анны»[50] и просит его высказать свое мнение (ср. письмо от 14 января). В ответном письме (как и большинство писем Блока к Санжарь, оно не сохранилось, но о его содержании можно судить по ответу писательницы — от 27 января 1910) Блок выражает тревогу, воспринимая книгу как своего рода исповедь, свидетельствующую прежде всего о внутреннем неблагополучии автора. «Вы боитесь за меня — меня это очень трогает», — пишет Санжарь в своем письме. С другой стороны, поэт отмечает недостатки повести — «чувствительность» (для Блока — признак «женского» в отличие от «женственного», ср.: 5, 465) и неумение выразить «несказанное» в конце книги (т.е при описании светлых минут, пережитых героиней после решения посвятить свою жизнь людям).

Через некоторое время Блок упоминает о «Записках Анны» в статье «Литературный разговор» (апрель 1910). Рассматривая повесть — в числе других критиков — как яркий «человеческий документ», Блок видит в ее появлении следствие мрачной общественной ситуации: «Когда воздуха не хватает, отдельные люди и целые группы людей начинают задыхаться и кричать /.../ Вот и среди последних "новинок" есть две очень острые книги таких "русских вопленников": "Записки Анны" Надежды Санжарь и "Говор зорь" Пимена Карпова» (5, 439). Такие книги, по мнению Блока, не следует рассматривать как художественные произведения: «/.../ в этих книгах есть не одни чернила, но и кровь, /.../ и не словами фельетона надо отвечать на эти кровавые и мучительные слова» (Там же; возможно, это высказывание было реакцией на отрицательные отзывы о «Запи-

[50] «Записки Анны» зафиксированы в «Книжной летописи» как вышедшие между 13 и 20 января 1910 (Книжная летопись... 1910. №3. С.19).

сках Анны» — в частности, Б.Садовского и А.Измайлова). Блоковское сочувствие дает Санжарь повод для попыток установления более близких отношений — она вступает в переписку с поэтом, знакомит его со своими произведениями (кроме «Записок Анны», посылает повесть «Заколдованная принцесса» и доклад на литературном диспуте в Киеве). Сближения, однако, не происходит: ему во многом препятствует длительное пребывание Блока в Шахматово (май — октябрь 1910) и частые отъезды Санжарь из Петербурга.

С 1911 общение Блока и Санжарь становится более тесным. Весной и осенью 1911 писательница часто посещает Блока[51], несколько позже он оказывает ей материальную поддержку (ср. письмо Санжарь Блоку от 6 апреля 1912), в 1913 — начале 1914 она обращается к поэту с просьбой о редактировании ее сказок, советуется относительно помощи нуждающимся литераторам (одного из них — Г.Русинова — направляет к ней Блок; см.: 8, 432; ЗК, 199), тогда же она посвящает поэта в обстоятельства своей личной жизни: в 1913 Санжарь познакомилась с известным киевским коллекционером и меценатом Б.И.Ханенко[52], который стал для нее близким человеком; в течение нескольких лет помогал ей материально, дал возможность жить за границей (в 1914-1916 Санжарь посетила Италию, Францию, Германию, Швейцарию), издал на свои средства ее книги[53].

Для Блока в этот период приобретает особое значение документальная литература, в которой он начинает видеть материал, важный для понимания эпохи. Так, осенью 1911 поэт возобновляет свой дневник — своеобразный «автобиографический документ» (ср.: 7, 69, 109, 123), тогда же принимает участие в обсуждении проекта журнала «Дневники писателей»[54], зимой 1911-1912 думает об издании дневника О.К.Соколовой, к которому пишет предисловие («Дневник женщины, которую никто не любил», 1912, 1918 — 6, 29-37). Одним из подобных «документов» Блок считает и повесть Санжарь «Записки Анны» — книгу, из которой (как и из «Пламени» П.Карпова) «нам придется, рады мы или не рады, запомнить кое-что о России» (5, 486 — статья «Пламень», октябрь 1913).

Несмотря на взаимный интерес, отношения Блока и Санжарь складываются в 1911-1914, как можно судить по ее письмам к нему, непросто. Санжарь явно преувеличивает степень своей духовной близости с поэ-

---

[51] См.: Письма Александра Блока к родным. Т.2. М.; Л., 1932. С.138. См. также: 7, 70.

[52] Богдан Иванович Ханенко (1849-1917; год рождения установлен по формулярному списку — РГИА. Ф.23. Оп.3. Ед.хр.110) — основатель Киевского музея западного и восточного искусства, промышленник и общественный деятель; был женат на В.Н.Терещенко — дочери крупнейшего украинского сахарозаводчика. О Б.И.Ханенко см.: Акинша К. Забытый меценат // Наше наследие. 1989. №5. С.28-38. В личном фонде Санжарь хранятся: открытка от Ханенко от 10 ноября 1913, вырезки из газет с его некрологами и его фотографии (РГБ. Ф.266. Карт.8. Ед.хр.89, 155, 165).

[53] Санжарь Н. 1) Заколдованная. 2-е изд. М., 1916; 2) Записки Анны; Нелепость. 2 изд. М., 1916; 3) По-своему: Драма. М., 1916; 4) Книга о человеке. Первая. М., 1916.

[54] См.: Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М., 1940. С.266.

том[55], пытается добиться блоковского внимания, переживая искреннюю обиду, когда это не удается. Блок видит в таком поведении навязчивость (характерна его запись в дневнике от 17 октября 1911: «изнуренный приставаньем Санжарь» — 7, 70) и нередко уклоняется от общения, хотя и продолжает проявлять беспокойство за писательницу, а иногда прислушивается к ее замечаниям в свой адрес (ср. пометы Блока на письмах Санжарь от 17 февраля 1913 и 6 января 1914, а также: 7, 221).

Об отношении Блока к писательнице можно судить по его отзыву об О.К.Соколовой, чей тип личности он находил во многом сходным с Санжарь: «Это — южанка с неукротимыми страстями /.../, терзаемая и, может быть, растерзанная уже трудной жизнью /.../. Женщина до мозга костей, в области чувства — богатство, широкий диапазон /.../, в области рассуждений — робость, узость, невнятное бормотанье, скучные прописи /.../; в судьбе и стремлениях есть общее с Санжарь, но *лучше* — мягче, без самовлюбленности и самоуверенности, с более узкими, *личными* планами» (запись в дневнике от 29 декабря 1911 — 7, 113. Ср. статью «Дневник женщины, которую никто не любил» — 6, 32).

В письмах конца 1913 — начала 1914 Санжарь особенно активно пытается приобщить Блока к своим поискам. Закончив к этому времени «Книгу о человеке», она настойчиво просит поэта обсудить часть ее работы — «Тетровского». Блок, по-видимому, не вполне вникает в смысл ее идей, продолжая воспринимать ее прежде всего как автора «документальных» произведений, и отказывается от обсуждения книги. «Что же мне ответить Вам? Мы такие разные. /.../ Сам я уверен, что ничего не скажу Вам полезного: ведь мы действуем в совершенно разных областях: моя сила — в форме, Ваша — в бесформенности /.../ Ужасно Вы странный человек, Надежда Дмитриевна, никак Вас не поймешь», — пишет Блок Санжарь 5 января 1914 (8, 432-433).

И все же, уступая просьбам писательницы, 13 января Блок посещает ее. Состоявшийся разговор, по-видимому, прояснил поэту ее позицию, дал почувствовать гуманистический пафос ее стремлений. Беседа касалась и отношений Санжарь с Б.И.Ханенко (которые Блок ошибочно расценил как супружеские) и оставила у поэта благоприятное впечатление. «У Н.Д. Санжарь-Ханенко. Ее "Тетровский". Тридцать девять лет. Приют (Киев, Ханенко). Какие-то намеки на дело. Впечатление хорошее. Головокружение — почему? Предложение денег», — пишет Блок в день своего визита (ЗК, 201; в опубликованном тексте — ошибка: «Петровский» вместо «Тетровский»).

Последняя запись Блока о Санжарь относится к 20 мая 1914 и свидетельствует о новой, на этот раз наиболее настойчивой попытке писательницы внушить ему свои идеи. «Inferno. Санжарь», — записывает Блок, вспоминая «женоненавистничество» Стриндберга (ЗК, 228; повесть Стриндберга «Inferno» была исключительно близка поэту в то время — ср.: 7, 124-125). Вскоре Санжарь уезжает в Киев, затем — вместе с Б.И.Ха-

[55] С ощущением внутреннего родства связано, по-видимому, употребление в письмах Санжарь к Блоку специфически блоковской лексики («настоящее», «политика», «мертвец»).

ненко — за границу, после чего ее отношения с Блоком больше не возобновляются.

В первые годы Советской власти Санжарь живет на Украине. Увлекается революционными настроениями, увидев в них связь со своими идеями (ср. представление Санжарь об «очеловечивании» с идеей воспитания нового, социалистического человека). Активно работает в советских организациях — Внешкольном отделе Наркомпроса Украины (Харьков — Киев, 1919-1920), Внешкольном отделе Губнаробраза в Черкассах (1920). В сентябре 1920 вступает в партию. Вскоре уезжает в Москву, где служит секретарем, затем — заведующей детской секцией в ЛИТО[56]. Близко знакомится с А.С.Серафимовичем и писателями-пролеткультовцами М.Герасимовым и П.Кузько[57].

В 1921 она возвращается на Украину. Живет в Чернигове[58], выезжая в соседние деревни, где ведет агитацию среди крестьян; сотрудничает в газете «Красное знамя»[59]. С середины 1922 работает в Киеве «как литератор по обслуживанию Санчасти»[60]. Выступает с предложениями по «исследованию человека», но не получает поддержки ни в Чернигове, ни в Киеве и в конце 1922 выходит из партии[61].

В начале 1923 Санжарь окончательно переезжает в Москву[62]. Сотрудничает в журнале «Работница»[63], входит в МАПП. Мечтает о продолжении «человековедческой деятельности»: пишет автобиографические повести-«исследования» («Дадя», 1923; «Письма к тов. Адольфу», 1925-

---

[56] См. анкеты и автобиографии Санжарь 1922, 1926 и 1931 гг. (РГБ. Ф.266. Карт.8. Ед.хр.1; Карт.7. Ед.хр.32, 33), а также ее тексты о жизни на Украине — «Незабвенное», «В красные годы: Записки случайно уцелевшего» и «В дни киевские: Из записок Надежды С.» (начало 1930-х; РГБ. Ф.266. Карт.4. Ед.хр.1, 2, 17).

[57] Совместно с последними Санжарь писала революционную пьесу-мистерию «Трудовой век» (наброски, 1920 см.: РГБ. Ф.266. Карт.5. Ед.хр.53).

[58] Недалеко от Чернигова, в селе Выбель, жила семья Санжарь — сестра Лидия Дмитриевна Омельчукова с дочерью Татьяной и, по-видимому, мать. Здесь же в 1914 умер отец писательницы (см.: РГБ. Ф.266. Карт.8. Ед.хр.153; Ф.144. Карт.8. Ед.хр.31).

[59] Красное знамя: Ежедневная газета Губкома КП(б)У и Губисполкома Черниговщины. 1921. 29 декабря. №292. С.2 (статья Санжарь «Рабья канитель»); 1922. 28 февраля. №340. С.1 (статья «Голос жизни»), 16 апреля. №379. С.2 (статья «В деревне»). Газеты хранятся в личном фонде Санжарь: РГБ. Ф.266. Карт.1. Ед.хр.14, 15, 16.

[60] См.: РГБ. Ф.266. Карт.7. Ед.хр.33. Л.2.

[61] Там же. Ед.хр.32. Л.3.

[62] Ср. статью Санжарь о трудностях, пережитых ею в первые месяцы московской жизни: Н.С. Хождение по мукам // Правда. 1923. 25 февраля. №43. С.2. То же — РГБ. Ф.266. Карт.1. Ед.хр.18.

[63] См.: Работница. 1923. №10. С.1-3, 23-24 (статьи Санжарь «Великое путешествие: Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве» и «Прохоровка: Московская фабрика Трехгорной мануфактуры». То же — РГБ. Ф.266. Карт.1. Ед.хр.17).

1928)[64], произведения о современных людях — в основном, о женщинах из низов, которым удалось «обработать» в себе «человека»: «Красная Берта», 1923-1931; «Как Настя, крестьянка безграмотная, до человека и до писателя домучилась», 1925; «Записки советского гражданина», 1925-1927; «Ганна», 1928; «Женщины наших дней (Лиза, Нелли, мать)», 1930-1931[65]; задумывает два цикла, каждый из 12 книг — «Челвед» и «Записки человековеда»[66]; выдвигает идею создания «человековедческой» организации, существующей на средства от публикации ее произведений, которые хочет издавать как коллективные под подписью «Т.К.» («творческий коллектив»)[67].

Тему «очеловечивания» Санжарь переосмысляет в духе пролеткультовской идеи человеческого стандарта, человека-машины, способного бороться за новую, социалистическую культуру: «...По-нашему человек — также коллектив, также стандарт: пригони ладно все части тела, воспитай, обработай правильно "моторную энергию" — психику, и получишь отличного человека», — рассуждает писательница[68].

Послереволюционное творчество Санжарь не получает признания; ее идеи расцениваются как ошибочные. «Т. Санжарь строит своего человека оторванно ото всего массового революционного движения, от партии и т.д. Это — путь исключительно индивидуалистический», — пишет А.К.Воронский в рецензии на книгу «Дадя» (6 апреля 1925)[69]. В 1924 Комиссия по улучшению быта ученых оценивает писательницу по нулевой категории, а в 1927 исключает ее из членов КУБУ[70]. До 1925 Санжарь не может найти работу. В 1925-1930 работает в профсоюзе Мосгоркома писателей казначеем, техником, затем секретарем Союза революционных драматургов, получая мизерную зарплату[71].

Все эти годы писательница тяжело переживает свою непризнанность, рассматривая ее как травлю за идеи. Начиная с 1924, она обращается в различные инстанции: пишет Луначарскому[72], добивается принятия своих рукописей в Госиздате[73], ищет поддержки в ЦКК ВКП(б)[74]. Отстаивая

---

[64] РГБ. Ф.266. Карт.2. Ед.хр.10; Карт.4. Ед.хр.4.

[65] Там же. Карт.3. Ед.хр.17, 26, 29; Карт.4. Ед.хр.18, 19; Карт.6. Ед.хр.20.

[66] См. список произведений (в том числе задуманных), составленный Санжарь в 1931: РГБ. Ф.266. Карт.7. Ед.хр.34. Л.1об.-2.

[67] См. письмо Санжарь к А.С.Серафимовичу от 26 февраля 1926: РГАЛИ. Ф.457. Оп.3. Ед.хр.84. Л.2-2об.

[68] Там же. Л.13 (письмо от 23 января 1927).

[69] РГБ. Ф.266. Карт.8. Ед.хр.111. Л.1.

[70] См. опросный лист ЦКУБУ, заполненный Санжарь 14 мая 1926 (РГБ. Ф.266. Карт.7. Ед.хр.35), и письмо Санжарь к Серафимовичу от 23 января 1927 (РГАЛИ. Ф.457. Оп.3. Ед.хр.84. Л.10).

[71] См.: РГБ. Ф.266. Карт.7. Ед.хр.33. Л.2об.

[72] См. письмо Санжарь к А.В.Луначарскому от 16 декабря 1924: РГБ. Ф.266. Карт.7. Ед.хр.43.

[73] См. справки, выданые Санжарь Госиздатом (1924-1929): РГБ. Ф.266. Карт.8. Ед.хр.20.

[74] Ср. письмо Санжарь Серафимовичу от 26 февраля 1926: РГАЛИ. Ф.457. Оп.3. Ед.хр.84. Л.1.

свое право считаться пролетарской писательницей, она яростно полемизирует с Воронским (статья «Воронщина, как культурное бедствие», 1926[75]), затем с МАПП, руководителей которой презрительно называет «комвельможами». (Вообще, слова «луначарщина», «напостовщина», «воронщина» Санжарь повторяет исключительно часто[76]).

В результате в 1926 атмосфера вокруг нее сгущается. По свидетельству П.А.Кузько, на Санжарь поступает «много ложных доносов, обвиняющих ее в белогвардействе, антисоветизме. Писатели Молчанов и Мих. Голодный собрали 50 подписей, подтверждающих какие-то ее разговоры /.../ и организацию каких-то кружков, бригад пролетбаб» (!)[77]. Около 1927 Санжарь исключают из МАПП, после чего писательница пытается оправдаться, хлопочет о возвращении в партию[78] и в итоге добивается права печататься под псевдонимом.

В 1928-1929 — впервые за послереволюционный период — издаются ее книги: переработка романа Р.Джованьоли «Спартак» (без указания имени Санжарь), детская книжка об итальянских коммунистах (под фамилией Брилиант) и повесть об организации трудовой артели беспризорных (под псевдонимом Мих. Авилов)[79]. В 1930 писательница выходит на пенсию. Осенью 1931, после долгих хлопот, Мосгорком писателей признает ее квалификацию заниженной и увеличивает ей пенсию[80]. В 1932 Санжарь серьезно заболевает, а уже через полгода П.Кузько будет вспоминать: «Надя еще летом 32 г. узнала, что у нее рак /.../ легла в Боткинск[ую] больницу, где ей и сделали очень удачно операцию /.../ Сейчас я не видел ее месяца полтора—два — и вдруг случайно узнаю, что она опять легла в больницу — и уже умерла. /.../ к ней хорошо относился писат[ель] Серафимович. Я тоже был ее близкий друг. /.../ Жила она невероятно бедно в эти годы»[81].

Н.Д.Санжарь умерла в Москве 10 февраля 1933. Похоронена на Донском кладбище[82]. Могила ее, по-видимому, утрачена.

Предлагаемые вниманию читателей письма Н.Санжарь к А.А.Блоку — своего рода яркий «человеческий документ», дающий представление о личности писательницы. Они интересны и как источник сведений о

---

[75] РГБ. Ф.266. Карт.4. Ед.хр.13.

[76] См. письма Санжарь Серафимовичу, 1926-1928: РГАЛИ. Ф.457. Оп.3. Ед.хр.84.

[77] Предисловие к описи личного фонда Санжарь (РГБ. Ф.266. Л.5-5об.). Иван Никанорович Молчанов (1903-1984) и Михаил Голодный (настоящее имя — Михаил Семенович Эпштейн; 1903-1949) — советские писатели, члены МАПП.

[78] О рекомендации в партию Санжарь просила Серафимовича, который, однако, ей отказал. См.: РГАЛИ. Ф.457. Оп.3. Ед.хр.84. Л.36.

[79] Спартак: по роману Джиованиоли. М.; Л.: Госиздат, 1928; Брилиант Н. Зеленые братья. М.: Изд-во ЦК МОПР, 1929; Авилов Мих. Подшефные коммуны №5. М.;Л.: Земля и фабрика, 1929.

[80] Ср.: РГБ. Ф.266. Карт.7. Ед.хр.34. Л.2об.

[81] Письмо П.А.Кузько племяннице Санжарь Т.С.Омельчуковой (проживавшей в то время в Киеве) от 19 февраля 1933: РГБ. Ф.144. Карт.7. Ед.хр.22. Л.1.

[82] См. документы по похоронам Н.Д.Санжарь: РГБ. Ф.144. Карт.11. Ед.хр.11.

литературных и человеческих контактах Блока в 1910-1914. Письма публикуются полностью по автографам, хранящимся в личном фонде Блока в РГАЛИ (Ф.55. Оп.1. Ед.хр.393). При публикации исправлены немногочисленные орфографические ошибки, синтаксис — достаточно небрежный у Санжарь — приведен в соответствие с современными нормами.

1.

Петербург,
14-го Янв[аря] 1910 г.

Посылаю Вам, Александр Александрович, мою «Анну»[1], и хочется просить, прочитайте хоть Вы ее так, как надо... Я много наслушалась о ней всякой всячины и устно, и печатно — в провинции в особенности ее отметили[2], — но чего-то главного, главного я до сих пор не слышу.

Не скажете ли этого мне Вы?

Мне нравится, как Вы пишете прозой — в ней я Вас как художника и поэта понимаю и чувствую больше, чем в стихах, которых я, признаюсь, не всегда понимаю и совсем не чувствую.

Но это мой дефект вообще: насколько я чутко понимаю природу, настолько тупа по отношению к искусству.

Надеюсь, Вы не прогневаетесь на меня за высказанное мнение, продиктованное очень хорошим, простым к Вам отношением.

Вот если б и Вы также насчет моей Анны...

Буду рада, если Вам захочется о ней что-нибудь сказать.

Всего Вам доброго.

Надежда Санжарь (Дмитриевна)

Коломенская, 5-Б, кв.9.

[1] Санжарь Н. Записки Анны. СПб.: «Антей», 1910. Принадлежавший Блоку экземпляр «Записок Анны» в настоящее время утрачен (см.: Библиотека А.А.Блока: Описание / Сост. О.В.Миллер, Н.А.Колобова, С.Я.Вовина. Под ред. К.П.Лукирской. Кн.3. Л., 1986. С.254).

[2] См. отклики на первую, сокращенную публикацию повести (Санжарь Н. Записки Анны // Образование. 1909. №1. С.37-86): Басаргин А. [Введенский А.И.]. Переплавка души // Московские ведомости. 1909. 28 февраля. №48. С.2; Т.Г. Женщина о женщине в художественной литературе // Женский вестник. 1909. №5/6. С.117-118; Ptyx [Садовской Б.А.] Обзор русских журналов // Весы. 1909. №2. С.87. О содержании этих рецензий см. вступительную статью. Провинциальная печать, как сообщает в предисловии к отдельному изданию С.М.Брилиант, «единодушно отметила яркий, искренний и своеобразный характер "Записок"» (Санжарь Н. Записки Анны. СПб., 1911. С.IV).

2.

Москва,
27-го Янв[аря] 1910 г.

Я Вам отвечу, дорогой Александр Александрович, так, как Ваше письмо заслуживает, — мне только что переслали его сюда[1].

Конечно, я Вам верю, Вас чувствую и хочу, чтобы и Вы меня почувствовали до конца. Да, я не сумела выразить «несказáнное» в конце «Анны». Я его намекнула только теперь, в моей только что оконченной «Заколдованной принцессе»[2] — увидите, какая это у меня вышла милая, милая вещь. Не боюсь этого говорить, т[ак] к[ак] знаю, что в настоящем я редко ошибалась — «принцесса» у меня, действительно, настоящая.

Вы боитесь за меня — меня это очень трогает. Только как же Вы не проследили источник моей чувствительности, как не увидели, что все это идет от моей «детскости»: не изжитый, не проявленный ребенок во мне мечется, лепечет. А малыши редко говорят «звезды», у них везде «звездочки». И не страшна мне эта чувствительность, чем больше я ее проявлю, чем шире изживу, тем лучше. А в «большие» я, пожалуй, никогда не вырасту. Да и не надо. Всякие бывают люди, пусть я буду такой, пусть до самой могилы сидит во мне и мечется, «пищит» дитя. И жалостлива я все от того же. И совсем не медлю: «брилиант» у меня уже есть, найти его мне помогла «Анна»[3], этот страшный камень, который я сбросила с моей души. Теперь я чувствую, все больше и больше становлюсь «собой», и «заколдованность» моя должна непременно кончиться[4].

Когда будете читать «принцессу»[5], поймете, о чем я говорю, и скажете, какой цены мой «брилиант».

Я, правда, истерзана в клочья, я много раз падала отчаявшаяся, проклиная тех, кто меня толкнул или помог так почти предсмертно распластаться, и каждый раз я подымаюсь более сильная и цельная. Во мне сидит чудесное свойство Антея[6], в этом я все больше и больше убеждаюсь.

Мне нужны падения и муки, в этом моя сила, мощь и жизнь. И нет у меня уже ненависти и отвращения к людям и жизни их. Я так перемучилась, что стала над всем. Нет у меня больше негодования, мне все улыбаться хочется.

Помогли мне разобраться не книги и люди, а природа. Я поняла, что в жизни и натурах людей, как и в природе, перемешано хорошее с дурным, разумное с нелепым, прекрасное с чудовищным, созидающее с разрушающим, великое с мелким, презренное

с божественным. В этой мешанине, кажется, ничто не пропадает. Мы часто видим, какая гнусность выходит из прекрасного и как явная нелепость создает в конце концов чудо[7].

Я принимаю это не как богач, живущий «на проценты с капитала», а как страстный творец: мне хочется создать *мое* из этой «мешанины». Я хочу создать *мою девятую симфонию*, и если для этого надо ослепнуть — я, не дрогнув, подставлю мои глаза: нате, слепите[8]!

Итак, мне кажется, мне не страшно разрушение и не боюсь я тления: во мне сидит сознание, *что я никогда не умру.* Я люблю смерть, она мне кажется разумной и содержательной, как жизнь. И только человеческая ограниченность, самомнение, трусость могли окружить мудрую смерть тем, чем она у нас окружена. Я люблю кладбище, могилки — не могилы, а могилки...

Я начала писать о смерти т[ак], к[ак] я ее толкую и понимаю.

В этом меня совсем не занимает, какой ярлык надо пришпилить к моим работам. Мне кажется, что главное *в силе,* есть она — хорошо. А как себя проявляет, это уже второе — сила везде сила.

Мне кажется, что у меня эта-то «главная сила» и есть. Благодаря ей я выжила, вышла в люди и, думаю, она будет со мной, пока я жива. А потом мы с ней решили прямо в кукушку. Люблю я эту птицу, и так хорошо: сидишь себе на зеленой ветке и кукукаешь. Уж если я чего захочу — так и будет. Аминь.

Теперь о Вас. Меня очень трогает Ваша улыбка, в ней есть что-то мне близкое, совсем детское. Постарайтесь, чтобы она долго, долго жила в Вас. Защищайте ее, не отдавайте на смерть раньше смерти «совсем».

Отчего Вы не хотели познакомиться со мной по-настоящему, не пришли, когда я Вас просила: я хотела сказать Вам что-то, чего люди, к сожалению, друг другу не говорят. Это не критика, совсем другое.

Вы были очень заняты или не хотели? Я решила, что Вы не пришли ко мне потому, что я женщина... а если послушать, что иногда обо мне говорят, то... Сознаюсь, я много среди людей чудила, и серьезно, сознательно, и еще не угомонилась, буду чудить.

Я очень люблю людей, самое удивительное в природе все-таки человек: смотришь и не знаешь, что из него в следующую минуту выскочит — зверь или Бог.

Буду рада, если Вам еще когда захочется мне написать. Я сбежала из Петербурга: давил он меня очень и как-то нехорошо я себя в нем чувствую, одиноко[9].

Вот если бы Вы еще чего-нибудь написали о себе. Напишите, я буду ждать. А ведь я за Вас «испугалась» давно, а Вы не знали...

Будьте настоящим.

Ваша Н.Санжарь

Москва, Кудринская ул., 25, кв.13.

[1] Письмо Блока утрачено.

[2] См.: Санжарь Н. Заколдованная принцесса. СПб.: «Антей», 1911. С.3-72.

[3] Санжарь обыгрывает фамилию С.М.Брилианта, издателя «Записок Анны».

[4] В центре повести «Заколдованная принцесса» — конфликт героини с окружающим миром, не признающим в ней воплощение добра, правды и внутренней красоты. Причина непонимания — «заколдованность» героини.

[5] По всей вероятности, к письму была приложена рукопись повести.

[6] Образ Антея — мифологического великана, черпавшего силу у матери-земли, был исключительно важен для Санжарь. Так, по ее инициативе «Антеем» было названо издательство, выпустившее ее первые книги (повесть «Записки Анны» и сборник «Заколдованная принцесса»).

[7] Ср.: Санжарь Н. Книга о человеке. Первая. М., 1916. С.9.

[8] Санжарь смешивает глухоту Бетховена — создателя 9-й симфонии — и слепоту, постигшую в конце жизни И.-С.Баха. Своей «девятой симфонией» писательница называет задуманную работу о «сущности человека» — будущую «Книгу о человеке».

[9] Ср. с письмом Санжарь П.И.Карпову от 27 сентября 1911: «Вы напрасно думаете, что в таком аду, как Питер, можно долго останавливать на себе внимание. Некогда людям, да и не до нас» (РНБ. Ф.124. Ед.хр.3864. Л.1об.). См. также: Санжарь Н. Записки Анны. Указ. изд. С.66-67.

3.

Киев,
25 апреля 1910 г.

Дорогой Александр Александрович,

напишите мне, пожалуйста, чего-нибудь, если у Вас найдется на это время и охота. Я люблю Вашу «прозу»: в ней много понятной мне поэзии, а в стихах я не всегда и не все понимаю.

Посылаю Вам мой урезанный, но все же ясный доклад, прочитанный здесь на литературном диспуте[1]. Досталось мне за него

и — не приведи Господи[2]! Киевские «критики» разнесли меня за то, чего в моем докладе нет, а что есть, того не поняли. У нас все так.

Много у нас везде страшного, и так больно, когда видишь, что делается в литературе. Не понимаю я, как это могут писатели *такое* в своей среде терпеть, как не хотят очистить «свою избу» — Боже мой, сколько дряни, грязи, уродства там накопилось! Отчего это все такие дряблые, ленивые, трусливые и жалкие. На словах чуть не боги, а на деле... Эх, не хочется сплетничать, порассказала бы я Вам кое-что.

Не хорошо у нас, не благополучно, страшно. Лет десять тому назад я говорила, что люди дождутся, что их дети от негодования, протеста, муки будут выбрасывать своим семьям и обществу свои голые, бездыханные тела.

Меня за это считали «злобной дурочкой», а теперь... И все-таки человек удивительное существо, и кажется мне, что пали мы так низко, позорно для того, чтобы подняться выше, чем до сих пор были. Идея человека так хороша и велика, что она не может сгинуть, она бессмертна, как бессмертна в природе жизнь[3]. Люблю я и верю в человека. И так мне хочется брать людей и трясти, трясти и или вытрясти из них гадость, пошлость, зверство, или затрясти насмерть. Оскорбляет меня наша нелепая жизнь невероятно, я бьюсь с бешеной силой сумасшедшего, чтобы хоть как-нибудь эту нелепость нарушить. Какое потрясающее зрелище Врубель, вымаливающий грехи и свободу вернуться «домой»[4]. В конце концов нам придется всем так стать, в этом наше спасение. Напишите мне, пожалуйста.

Ваша Н.Санжарь.

Киев, Б.-Житомирская, 24, кв.9[5].

[1] Диспут на тему «Новейшая литература и переживаемый ею кризис» происходил в Киеве 29 марта 1910. Посланный Блоку доклад Санжарь — «Книга и жизнь» (Киевские вести. 1910. 22 апреля. №108. С.2).

[2] Кроме уже упомянутого во вступительной статье отзыва Л.Н.Войтоловского, см. также оговорку редакции «Киевских вестей», опубликовавших доклад писательницы: «если /.../ мы даем место реферату г-жи Санжар, то это потому, что, принимая во внимание довольно исключительную биографию молодой писательницы, видим в нем любопытный психологический документ» (Киевские вести. 1910. 22 апреля. №108. С.2).

[3] Ср.: «Человек когда-нибудь развернется, расцветет полным своим цветом и будет на земле самым прекрасным и изумительным цветком своего Творца» (Санжарь Н. Книга о человеке... Указ. изд. С.44; ср. С.9-10).

[4] Речь идет о последних месяцах жизни М.А.Врубеля, умершего в психиатрической лечебнице 1 апреля 1910. Санжарь имеет в виду некролог А.Н.Бенуа, в котором художник отождествляется с героем своих картин — Демоном, а его смерть предстает как возвращение «в дом отца своего» — в рай: «Последние месяцы Врубеля, говорят, были отравлены духовными муками особого характера. Он выстаивал целые дни и ночи на ногах, упорно вымаливая себе прощение за свою /.../ греховность. Наказанный демон, пронзенный насквозь страданиями, смирился, молил о пощаде: "просился назад, в отцову обитель"» (Бенуа А. Врубель // Речь. 1910. 3 (16) апреля. №91. С.3).

[5] Судя по адресу, Санжарь останавливалась у Леонтия Моисеевича Брилианта (брата С.М.Брилианта) — присяжного поверенного и товарища председателя Киевской общественной библиотеки (см.: Весь Киев: Адресная и справочная книга на 1910 г. Киев, 1910. С.648, 894).

4.

[Петербург]
6-го апреля [1912]

Ну, друг, большое спасибо, что с деньгами выручили[1]. А я ждала, ждала и, каюсь, начала Вас упрекать в душе, зачем не сказали прямо, что не можете. А вышло «интриги». Вот если они не вмешаются, думаю, смогу вернуть раньше. Для этого мне непременно надо знать, где Вы будете лето и по какому адресу, если что, выслать. Пожалуйста, не забудьте сообщить.

Теперь я вся в работу[2]. Была у Вячеслава Иванов[ича], много говорили, хороший он, тонкий и много мне обо мне сказал нужного и интересного — нет, если бы Вы знали, как он разобрал мой половой демонизм[3]! Я глаза от удивления открыла широко, широко, и до сих пор они у меня несколько расширенные.

До свидания, мой друг. Очень я дорожу Вашим отношением, и не хотелось, чтобы что-нибудь вырвалось и испортило. Поберегите и Вы его — т.е., если я буду плохая, а я могу быть, т[ак] к[ак] очень горю, рвусь и много хочу, а Вы и на плохое хорошо, ласково улыбнитесь, и... вся моя душа будет с Вами. Не говорите «не надо» — к тем, что Вы имеете, пусть будет и моя. Навязывать себя, и такой, *как я хочу*, — вот моя стихия.

Ваша Н.Санжарь.

У Вас неверно был записан мой адрес: Невский, 98, кв.20 — это верно.

[1] О своем бедственном положении Санжарь писала 20 марта 1912 В.Я.Брюсову после выступления на литературном вечере: «...обра-

тилась к публике с просьбой собрать для меня сейчас несколько рублей, т[ак] к[ак] я очень нуждаюсь» (РГБ. Ф.386. Карт.102. Ед.хр.12. Л.6).

[2] После получения денег от Блока Санжарь продолжила работу над повестью «Тетровский», которую незадолго до этого пыталась «продать»; ср. письма Санжарь В.В.Вересаеву от 24 января 1912 (РГАЛИ. Ф.1041. Оп.4. Ед.хр.361. Л.5), В.Я.Брюсову от 17 февраля 1912 (РГБ. Ф.386. Карт.102. Ед.хр.12. Л.2об.), а также публикуемое письмо к Блоку от 26 декабря 1913. Впоследствии повесть разрослась в «исследование» «Книга о человеке. Первая».

[3] С поэтом и теоретиком символизма Вячеславом Ивановичем Ивановым (1866-1949) Санжарь поддерживала отношения на протяжении пяти лет (1907-1912). Вопросы пола (в соотнесенности с проблемой положения женщины), по-видимому, занимали в их общении важное место (ср., в частности, обстоятельства их знакомства). Трактовка В.Ивановым этих проблем — в его статье «О достоинстве женщины» (1908): Иванов В.И. По звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909. С.377-392.

5.

Петербург,
18-го Октября 1912 г.

Здравствуйте, милый Александр Александрович! Позвольте мне, пожалуйста, с Вами повидаться. Кроме этого я настолько теперь разбогатела, что свободно могу вернуть мой долг. Давно бы могла, но всякий раз оказывалось кому-нибудь «понужней», а Вы «богатый»[1]...

Если возможно, уделите мне немного времени, и лучше вечером, от 5 час[ов][2].

Н.Санжарь. (Над[ежда] Дмитр[иевна])
Стремянная, 1, кв.12, телеф[он] 560-91.

[1] В конце 1909, после смерти отца, Блок получил наследство.

[2] По-видимому, Блок перенес встречу с Санжарь, договорившись об отдаче долга по телефону: ср. запись в дневнике поэта от 20 октября 1912: «Утром — телефон с Санжарь» (7, 167).

6.

[Петербург]
17-го февраля 1913 г.[1]

Здравствуйте, дорогой Александр Александрович! Довольно ненужных жестокостей[2], не гоните и на этот раз, не узнав, что мне

от Вас надо. У нас мало чутких, не мелочных, не отравленных какой-нибудь «политикой» людей, мало истинно серьезных и благородных — вот почему я прошу Вас быть ко мне добрей и внимательней.

Я уже не такая мятущаяся и сумасшедшая, какой была раньше. Я уже разобралась в том, что чуть не довело меня до петли; уже разобралась: в добре и зле, Боге и дьяволе, и что такое наша жизнь, и что такое мы, люди. Отсюда начинается мое, поистине, воскресение из мертвых[3].

Я имею возможность иметь сколько захочу страшной, чудодейственной силы денег[4]. Взять их и перевести — не такая уже большая штука. А вот сделать на них действительно разумное, прекрасное, такое, чего — люди не делают — это гораздо трудней. И одной, во всяком случае, невозможно.

Позвольте мне, пожалуйста, с Вами поговорить. Может, мое и заинтересует Вас и Вы захотите к этому приложить также и Ваши руки. Моя идея исключительно художественная[5], и Вас, как поэта, должна интересовать[6].

И о благотворительности тут не может быть речи. Жизнь требует от нас добывать рубли: Ваше время, энергия, дарование будут оценены и оплачены, как они того заслуживают.

Прошу Вас, пожалуйста, не бойтесь меня и не считайтесь серьезно с теми легендами, котор[ые] обо мне сложились и распространяются любителями сплетен[7].

И, повторяю, я уже другая в том смысле, который Вас во мне тревожит[8].

Если будете на Невском, зайдите, пожалуйста, ко мне: Троицкая, 4, кв.4, подъезд с улицы, спросите швейцара. Или разрешите прийти к Вам.

Только вот еще: свободна я только от 5 час[ов] вечера, а до того занята чрезвычайно. И лучше все-таки сначала переговорить по телефону.

Мой телеф[он] 126-92.

Я убедительно прошу Вас, поборите Ваше ко мне предубеждение, поборите ради того хорошего, что мне хочется[9] делать.

Надежда Санжарь[10].

[1] Над текстом помета Блока: «Нужен тут Женя?». Женя — Евгений Павлович Иванов (1879-1942) — эссеист, детский писатель, ближайший друг Блока, обладавший, по мнению поэта, способностью благотворно влиять на людей (о высокой оценке Блоком душевных качеств Иванова см.: Максимов Д.Е. Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский

сборник. Тарту, 1964. С.348-352). Санжарь была знакома с Е.Ивановым через кружок «одиноких».

[2] «*Ненужных жестокостей*» подчеркнуто Блоком, на полях его помета: «!?».

[3] Новый этап эволюции Санжарь был связан с формированием концепции «творчества жизни».

[4] Деньги предоставлял Санжарь Б.И.Ханенко.

[5] Возле этого слова Блок поставил знак вопроса.

[6] Рядом помета Блока: «— ?». Санжарь имеет в виду идею «очеловечивания», которую она хотела воплотить на практике.

[7] Здесь помета Блока: «Не слыхал».

[8] Рядом помета Блока: «Незаметно».

[9] Слово «*хочется*» подчеркнуто Блоком, его же рукой рядом: «?».

[10] Получив это письмо, Блок отметил в дневнике: «Примечательное письмо от госпожи Санжарь. Все-таки это хорошо, что мне так пишут» (7, 221).

7.

Петерб[ург]
26-го декаб[ря] 1913 г.[1]

Здравствуйте, дорогой Александр Александрович!

Посылаю Вам книгу Дм. Дарского[2], и очень хотелось бы знать, что Вы о такой работе думаете. У Вас есть чутье и настоящее, и я хочу себя проверить. Я помогла Дарскому и написать, и издать эту книгу[3] — несет ли она собой то, что мне почудилось? Мне очень это надо знать, и я буду очень Вам благодарна, если Вы урвете время прочесть[4]. Брюсов заинтересовался этой работой, рекомендовал ее «Рус[ской] Мысли», но она там оказалась не ко двору[5].

Имею Вашу «Розу и крест»[6] — удивительно написана; Вы блестяще доказываете, что можно сделать со словом как искусством, и символ рыцаря так горько верен, так безнадежно человечен — «Он был все-таки верным слугой...»[7]. Вот таким верным рыцарем-«слугой» и Вы мне представляетесь пред лицом чтимого Вами искусства. И живете Вы и горите не для живой жизни, а все для того же искусства, котор[ое] у нас, людей, так, по моему разумению, убийственно оторвано от жизни. Мне Ваша пьеса (мне, как рыцарю и слуге живой жизни) кажется прекрасным венком в великий пантеон — рыцарь гробниц, Вам не страшно?

Задав этот вопрос, я почувствовала: а что, если и вправду наша «земная жизнь есть процесс перерождения», и как бы был удивлен могильный червь, если бы я спросила его: не противно ли ему так питаться, в этом жить? А что, если и поэты на земле перерождаются иногда из червей?

А я, наверно, образуюсь в человека из лягушки — зная свое квакаю и надо — не надо.

Я затеяла довольно трудную работу (ква! ква! ква!), хочу раскусить человека, его сущность, его смысл и назначение на земле. Человек, как неразгаданный сфинкс, стоит предо мной во всем своем фантастическом наряде, из кусков разумного, великолепного, вечного и отрепьев гнили, ужаса, стыда. И я не была бы человеком, если бы с присущей мне, как человеку, самонадеянностью, дерзостью и безрассудством я не пыталась бы этого сфинкса разгадать...

И я его разгадываю беспощадно, благо у меня под рукой такой яркий представитель человека, как я сама. И до чего я докопалась?! — ночи не спала, чуть над этим «изысканием» не спятила, не жила, а как одержимая горела — ну и схватила нить! Теперь разматываю очень любопытный клубок. Я точно закупорила всю себя в стеклянный сосуд и верчу его, наблюдаю мою сущность неустанно, жадно, и день и ночь. Я довела себя до такого созерцания, где нет места ни самолюбию, ни гордости, ни позе, ни расчету — одна голая правда, как вижу, чувствую, констатировать котор[ую] не боюсь. И мне не стыдно, чувствую, я такая не одна, *тут со мною и вы все, все!*

Я делаю довольно запущенную работу: нельзя жить не зная, кто мы есть. И тем, что я подошла непосредственно только моим умом, моей душой, моим разумением, т.е. только натурой, только прозрениями, поскольку, конечно, они присущи мне как даровитому человеку, — от этого моя работа нисколько не страдает[8]. Наоборот, я вполне доказываю всю фантастичность нашей человечьей сущности. Отсюда новый взгляд на все, на все[9]. О, мы можем стать волшебниками, когда сильно, страстно, самозабвенно чего захотим.

Наша жизнь потому такая во многом несуразная, нелепая, что мы ей *не занялись, как надо*, в творчестве жизни держимся не как настоящие мастера, не как подлинные художники (на это нам отпущено с избытком), а как дилетанты и подмастерья. Отсюда и строительство наше жизненное такое плохое. Ну, а у «подмастерьев», да еще лукавых и ленивых, в их ненастоящих, кургузых работах всегда будет кто-нибудь виноват: то «история», то «условия», то «хозяин» и т.д.[10]...

Волшебника в себе мы не видим, не ценим, уродуем безбожно — выявить этого волшебника, утвердить куда надо — вот главная цель моей работы. А попутно поставить точки на все і нашей человечьей сущности.

Трудная работа, но я одолею, главная нить клубка уже в руках. Жалко только, что я в моей работе так одинока, хорошо бы, а то и прямо необходимо иногда прочесть другим на свежую голову, выслушать мнения, а я все одна, все в себе, все сама. А я несомненно несу в себе и нужное, и ценное. Вот и к Вам я тянусь за общением души и духа, а Вы по какой-то нелепости или недоразумению меня боитесь — что это? Неужели в самом деле инстинкт червяка перед лягушкой — а вдруг проглочу, да? Как это жалко.

Я прошу Вас, будьте другом, соберите два-три человека и позвольте мне прочесть одну часть моей работы[11] — часа полтора чтения, она самая важная, на ней держится все остальное. Она интересна, слушается легко, и Ваше суждение скажет мне, чего я не договорила. Подумайте, пять лет я работаю над этой книгой, вовлекла в нее всю свою душу, веру и чаяния (чуть было ее не продала, да вовремя остановилась)[12], размахнулась очень широко, глубоко, и будет жаль, если в такую серьезную работу вкрадутся мелочи и пустяшные ошибки.

Поймите, у меня нет друзей мне по плечу и по вкусу. А если я тянусь к Вам, так я знаю, что Вы, хоть совсем другой, но мне равный и дурного, неискреннего, мне не скажете. А может, придете ко мне с Вашими друзьями, комната у меня огромная, угощу Вас хорошо (я теперь на положении богатой), и мне не стыдно будет взять у Вас внимание моей работой — она, правда, не плохая.

Пожалуйста, не бойтесь меня, я скоро уеду и надоедать больше не буду. И не сердитесь за червяка, это не грубость, а тон «доказывающего правду».

Затем, у меня купили все мои сказки, хотят хорошо издать (частное лицо[13]), ассигновали 200 руб[лей], чтобы кто-нибудь из хороших мастеров слова прочел их (мне трудно самой редактировать); сказок немного и все маленькие, вроде «Одуванчика», если помните, в сборн[ике] «Принцесса»[14] — может, Вы захотите прочесть: для Вас это сущие пустяки, а деньги, может, на что пригодятся. И я могу не говорить, кто редактировал[15], если Вам это почему-либо неудобно[16]. Мне хотелось бы, чтобы прочли Вы, но может, такое предложение нехорошо для Вас. Плохого я не хочу, поверьте. Я это скорей по простоте души. Пожалуйста, не толкуйте меня плохо.

Над. Санжарь. (Дмитриевна)

Мой адрес: Троицкая, 4, кв.4, телеф[он] 126-92.

[1] Над текстом помета Блока: «Ответил 5 янв. 1914». Письмо Блока опубликовано: 8, 432-433.

[2] Дмитрий Сергеевич *Дарский* (1883-1957) — критик и литературовед. Речь идет о его книге «Чудесные вымыслы: О космическом сознании в лирике Тютчева» (М., 1913). Посланный Блоку экземпляр этой книги утрачен; см.: Библиотека А.А.Блока: Описание / Сост. О.В.Миллер, Н.А.Колобова, С.Я.Вовина. Под ред. К.П.Лукирской. Л., 1986. Кн.3. С.223.

[3] Слова: «*Я помогла Дарскому и написать, и издать эту книгу*» подчеркнуты Блоком.

[4] В ответном письме Блок писал: «Дарского /.../ я просматривал только. Меня поразило, что книга заключается стихотворением Тютчева, которым я живу уже года два и которое хотел поставить эпиграфом к "Розе и кресту"» (8, 433). Речь идет о стихотворении «Два голоса» (1850) — ср. упоминания о нем у Блока: 7, 87-88; 4, 460.

[5] Работа Дарского была отклонена ввиду наличия в редакции «Русской мысли» близкой по теме статьи С.Л.Франка. См.: Викторович В.А. Дарский // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. М., 1992. Т.2. С.87.

[6] Драма Блока «*Роза и крест*» была впервые опубликована в альманахе «Сирин» (Сирин: Сб.1. СПб., 1913. С.149-239), вышедшем в августе 1913.

[7] Заключительная реплика «Розы и креста» («Мне жаль его. Он был все-таки верным слугой») — слова Изоры о погибшем рыцаре Бертране (4, 246).

[8] Ср.: «Особенность моего материала та, что я его собирала не научно /.../, а непосредственно, как видят глаза, как чувствует сердце. Такой подход, такое изучение мне тоже казались нужными» (Санжарь Н. Книга о человеке. Первая. Указ. изд. С.5).

[9] Фраза вставлена поверх строки.

[10] Весь абзац дословно воспроизведен в «Книге о человеке» (С.185-186).

[11] Слова: «*позвольте мне прочесть одну часть моей работы*» подчеркнуты Блоком. Сверху его приписка: «Собрать-то некого». Речь идет о части работы Санжарь — повести «Тетровский» (см.: Санжарь Н. Книга о человеке. Первая. Указ. изд. С.35-89).

[12] См. прим. 2 к письму 4.

[13] Б.И.Ханенко; 10 ноября 1913 он писал Санжарь: «тебя прошу подумать об сказочках, у тебя они восхитительны» (РГБ. Ф.266. Карт.8. Ед.хр.89).

[14] См.: Санжарь Н. Заколдованная принцесса. СПб., 1911. С.245-256.

[15] Слова от «*ассигновали 200 руб.*» до «*не говорить, кто редактировал*» подчеркнуты Блоком.

[16] В ответном письме Блок писал: «О сказках: Вы знаете, конечно, Ремизова; знаете, что на него как на мастера стиля (именно относительно прозы) можно положиться. /.../ если хотите, поговорю с ним; или прямо напишите ему /.../ Сам я в прозе немногого стою» (8, 432). По мнению З.Г.Минц, в данном письме отразилась забота Блока о Ремизове (см.: Переписка [А.Блока] с А.М.Ремизовым (1905-1920) / Вступительная статья З.Г.Минц. Публ. и комм. А.П.Юловой // Литературное наследство. Т.92. Кн.2. М., 1981. С.76). Сведениями о том, что по поводу редактирования сказок Санжарь обращалась к Ремизову, мы не располагаем.

8.

[Петербург]
6-го Янв[аря] 1914 г.

Вы думаете, можно человека понять, не всматриваясь в него по-настоящему? Вам метнулось во мне нечто «знакомое» (туда вошло также и от «истерики») — ну, я стала Вам *ясна*, отсюда и не интересна. Я Вам навязываю себя не так случайно, не так узко лично, как может казаться: в Вас есть такое, за что я Вас всегда буду любить, не специфически по-женски, а тем огромным, чем жива моя душа.

Должна сказать Вам, что я любима мужчиной, как на миллионы может быть любима — только одна. Такое редкое я и разделяю, и радуюсь, и боюсь потерять — без этого мне жилось очень холодно, неуютно, страшно. Это пришло недавно[1], а мое к Вам давно и ни капли *не меняется*. И никогда я не тянулась к Вам, как к мужчине. А между тем, такое опасение в Вас должно было сидеть. И свое делать.

Сейчас ко мне пришла большая в житейском смысле сила, мне хочется в жизни что-нибудь сделать настоящее и людям нужное. Одной трудно, естественно, я тянусь к тем, кому верю. Конечно, я не могу не думать также и о Вас, такого по-своему среди людей редкого. У меня к Вам что-то нежное, трогательное, я бы сказала истинно материнское. И если во мне есть досада, то на Ваше нежелание понять меня. А понять Вы можете, и это дало бы Вам того живого, трепетного, чего я для Вас хочу. И испортить Вашу «форму» — это никогда не может[2].

Вы читали мою «Закол[дованную] принцессу»[3] и так, по несчастной случайности, плохо прочли. Заколдованные слова мелькали перед Вами, как красное перед Юпитером (в быки Вы не совсем вышли)[4]. Я не странный человек[5], а тоже редкий и среди теперешних людей даже удивительный — говорю так не от самовлюбленности, а по привычке говорить правду, котор[ая] для

меня вне всяких сомнений (проверять мои слова я предоставляю всегда и каждому). Я стою за право видеть, что вижу, верить себе, не боясь попасть в компанию самозванцев и глупцов. В этом мой бунт против неискренних и унизительных для свободной души условностей. Я хочу быть только такой, как мне хочется и нравится. Вкусу моему я доверяю, он помог мне из помойной ямы вытащить мою живую душу без единого пятнышка.

Вам и в голову не приходит, что я есть прежде всего художник — то, что я сделала из себя и своей жизни — художество настоящее, живое и вдохновенное. Жизнь гнула из меня одно, а я наперекор всему гнула из себя *что хотела*. В творчестве своего лика я не была так стихийна, уже девчонкой я хорошо знала, куда иду, чего хочу и во что мне это обойдется[6]...

Я художник живой жизни. Такое художество у нас запущено, не стоит на той высоте, где должно. Нашу жизнь направляют, лепят сапожники в искусстве жизни, неумные, а то и подлые, наемники да торгаши. И они не виноваты: что имеют, то и дают...

Пренебрежение сильных, талантливых людей к творчеству живой жизни (все как один предпочитают брать клише, шаблоны, заготовленные убогой, лукавой рукой, берут не разбираясь, что им подсунули), такое пренебрежение — стыд и преступление. Художество жизни также требует своей школы, своего воспитания, своих вдохновений и бескорыстного ему служения. Я знаю, что человеческая жизнь, а отсюда и наши души, неузнаваемо изменятся, если к такому творчеству приложат руки истинные художники и творцы.

Если я одна могла так преобразить и свою жизнь, и помогла другим *иного достигнуть* — то что же будет, если нас, творцов живой жизни, — будет много? Ведь та сила, и сила огромная, котор[ая] пришла ко мне теперь, — она не бессмысленна, не случайна: она пришла на мой огонек, она принесла мне свои сокровища потому, что верит и любит во мне этот огонек. Так можете себе представить, как я хочу, чтобы таких огоньков мелькало в жизни как можно больше. Сила такого огня — чудотворная.

Я хотела бы Вам рассказать, чего я этой силой наделала, какое трепетное художество в жизни утвердила, но Вы не хотите меня слушать, потому что мы разные[7]. Как это нелепо! В нашей разности вся наша прелесть, стиль и аромат. Будь Вы похожи на меня, я не уделила бы Вам того внимания, кот[орое] уделяю теперь.

Мы, люди, обладаем удивительным свойством оплодотворяться, размножаться всюду, куда мы ни прильнем нашим разумом, вкусом, сердцем[8]. В Вас я чувствую мои духовные зачатия,

во мне есть драгоценное для Ваших. А обычаи, условности, привычки мешают Вам и видеть, и подойти ко мне как надо, и оценить мое, как оно стоит.

Что Вы знаете о творчестве живой жизни, и не сапожников, а истинных творцов? Или такое искусство Вы тоже проглядели?

Я предлагаю Вам иметь, как поэту, мастеру слова (у меня слово тоже мастерство — и еще какое! Я знаю силу слова, я забраковала форму как ограниченность, рабство — неужели такое свободолюбие Вам не понятно? Да ведь в моей-то свободе от формы и есть мой стиль, моя острота и терпкость. Так больше нравится! Так больше люблю!) — мне кажется, Вы сделаетесь более грамотным, более будете знать, что делается в Вашем отечестве, если познакомитесь по-настоящему с такой живой книгой, с таким мастером жизни, как Н.Санжарь. Книги мои искусный жест, да, да!

Не жалейте 2-3 часов, приходите ко мне и, если не уйдете от меня освежившийся, приобщившийся или вкусивший верней [?] чего-то подлинно живого, так это будет значить, что Вы уже мертвец[9].

Я хочу, чтобы Вы жили, я хочу, чтобы Вы от меня взяли все, что найдется для того, чтобы поярче разгорелся Ваш собственный огонек. Только для этого я всегда к Вам тянулась, только это было у меня всегда первое и мое — второе.

Я хочу прочесть Вам моего «Тетровского», хочу видеть, как разозлит Вас или приятно взволнует Вас мой художник живой жизни. Это не большое, листа полтора. Потом поговорим. Меня очень интересует Ваше впечатление — оно мне нравится, я ему доверяю.

Пожалуйста, не будьте глупым (это тоже бунт против условностей), не бойтесь меня, не навязывайте мне того, [чего нет], и увидьте то, что есть.

Дарский (не псевдоним)[10] Вам брат, и я хотела бы дать ему Вашу симпатию. Он тоже редкий. И скромный. И очень еще молодой. И его могут затоптать «свиньи» — надо выручать.

Пожалуйста, не лишайте себя меня, т.е. общения со мной.

Н.Санжарь.

Мне непременно надо поговорить с Вами о Русинове[11].

[1] Речь идет об отношениях Санжарь с Б.И.Ханенко.

[2] Ср. слова из письма Блока к Санжарь от 5 января 1914: «моя сила — в форме, Ваша — в бесформенности» (8, 432).

[3] См. письмо 2, прим. 2, 5.

[4] Санжарь имеет в виду латинское изречение: «quod licet Jovi, non licet bovi» («Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку»).

[5] Ответ на слова блоковского письма от 5 января 1914: «Ужасно Вы странный человек, Надежда Дмитриевна, никак Вас не поймешь» (8, 433).

[6] Ср.: «Я сразу родилась с ясно и прочно выраженными чертами и свойствами человека. Уже девчонкой я мыслю и поступаю очень уверенно и смело, точно я что-то знаю /.../ Вокруг меня калечились, звереди, а я жила точно раз навсегда от всего дурного застрахованная» (Санжарь Н. Книга о человеке. Первая. Указ. изд. С.13).

[7] Ср. фразу из письма Блока к Санжарь от 5 января 1914: «Что же мне ответить Вам? Мы такие разные» (8, 432).

[8] Ср.: Санжарь Н. Книга о человеке. Первая. Указ. изд. С.89-90.

[9] Слова от «*если не уйдете*» и до «*уже мертвец*» подчеркнуты Блоком.

[10] Ответ на слова блоковского письма: «Дарского (псевдоним?) я просматривал только» (8, 433).

[11] Гавриил Павлович *Русинов* — начинающий литератор; в 1907-1908 печатался в петербургских еженедельниках «Сцена и жизнь», «Русский паломник», «Спорт», а также в «Петербургской газете», «Биржевых ведомостях» и московской «Брачной газете». См. прошения Русинова в Литературный фонд (1908-1912) и Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам (1911-1914): ИРЛИ. Ф.155; Ф.540. В 1912-1914 обращался за поддержкой к Блоку; см.: 7, 128, 222; ЗК, 199, 208; записку Блока И.И.Ясинскому — ходатайство за Русинова (1913?) — Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог / Сост. Н.Т.Панченко, К.Н.Суворова, М.В.Чарушникова. Под ред. В.Н.Орлова. М., 1975. Вып.1. С.410; два письма Русинова к Блоку (1914) — РГАЛИ. Ф.55. Оп.1. Ед.хр.388. В конце 1913 или начале 1914 (к этому времени Русинов — спившийся, опустившийся человек) Блок направил его к Санжарь, которая его «облагодетельствовала». Ср.: ЗК, 199; 8, 432; письмо Русинова к Блоку, начало 1914: РГАЛИ. Ф.55. Оп.1. Ед.хр.388. Л.3-4. Это письмо в аннотированном «Каталоге переписки Блока» (Вып.2. М., 1979. С.398) ошибочно датируется концом декабря 1914. Вскоре Русинов пропил полученные от Санжарь деньги и с известной долей цинизма писал Блоку: «Примите Вы во мне маленькое участие — в моей судьбе. Я лишился комнатки. Я лишился паспорта. /.../ Возьмите же на себя труды передать чувства глубокого уважения и преданности Надежде Дмитриевне. /.../ Скажите, что я в нее "Верю" /.../ кроме мира приятных фантазий и грез [намек на гуманистическую проповедь Санжарь. — *А.З.*] мне нужны деньги» (письмо б.д.: РГАЛИ. Ф.55. Оп.1. Ед.хр.388. Л.1-2). Блок ответил Русинову 16 февраля 1914 (см.: ЗК, 208; письмо не сохранилось); в это время Санжарь, по-видимому, была в Киеве и откликнуться на просьбу Русинова не могла. Вероятно, вскоре прервались и отношения Блока с Русиновым.

9.

[Петербург]
9-го Янв[аря] 1914 г.

Очень прошу, скажите, что Вы знаете о Русинове. Мне хочется для него сделать все, что я смогу. Для этого надо мне знать: не больной ли он? Не алкоголик ли? Можно ли ему доверять, на него положиться, как на разумного человека? Почему он такой запущенный, несчастный? Что он делает и к чему, по-Вашему, может быть годен.

О себе он предпочитает не говорить, а расспрашивать как-то неловко. Скажите, что Вам о нем известно.

Я, должно быть, опять задала Вам о себе загадку. А Вы поступите, как всегда поступали: не лежит душа, и не насилуйте ее. Авось, когда-нибудь я стану Вам понятней — отсюда и все остальное будет.

Если можете сделать мне нужное, прочтите книгу Дарского и скажите, что Вы в ней увидели[1].

Я пробуду здесь, возможно, еще месяц.

Всего Вам доброго и радостного.

Н.Санжарь

Что бы Вы ни сказали о Русинове, я от него не отвернусь, а только разумней сделаю, что надо.

[1] Сведений о том, что после беглого просмотра Блок обращался к книге Дарского, не сохранилось.

10.

[Петербург]
10-го Ян[варя] 1914 г.

Александр Александрович, голубчик, окажите мне доброе и нужное: прочтите «Тетровского»[1] и позвольте с Вами об этом «художнике» поговорить. Поймите, тем, что Вы другой[2], — это мне и надо. На Вашем я проверяю мое, никто нас настоящему так не учит, как честный, благородный «враг».

Я хочу Вам рассказать — именно Вам, т[ак] к[ак] Вы не будете лукавить, политиканствовать, а скажете что видите и чувствуете *по-Вашему* — рассказать удивительную историю творчества по Тетровскому, хочу, чтобы Вы как человек и поэт знали такое, чего Вам, может, ни одна книга не скажет и уж наверно ни одна живая душа. Вам это не лишнее знать, а мне очень надо проверить.

Видите, у меня такое ощущение, точно я запуталась, и безнадежно, страшно, или раскусила такое, за что в былые времена сжигали на костре. В горении у нас есть с Вами нечто родственное, и я никого не вижу подле себя, кто бы мог просто, не пристрастно сказать мне кое-что нужное и что скажете, наверно, Вы. Тетровский не выдумка — это я. Из «Анны» — Тетровский — тут есть над чем призадуматься. И я уже над Тетровским. И со мной два друга — в одной руке Бог, в другой — дьявол. И я, и мои друзья в общем сущность одного и того же естества.

По моим изысканиям, дьявол не враг Бога, а другой Его, Бога, лик. А для чего — в этом-то весь мой сказ.

В моей работе по изучению человека много всего наворочено — я не боюсь среди несуразных глыб разбрасывать подлинные жемчужины, мне даже нравятся эти контрасты — умеющий понимать поймет и отделить одно от другого сумеет, а те, кто в отделенном виде может топтать жемчуг, — я их не боюсь и никогда с ними серьезно не считаюсь. А Ваше понимание мне дорого и мило, хотя бы Вы и понимали это как чужое Вам.

Тетровский — это только черновой набросок и начало огромного материала: наблюдений, догадок, экспериментов над сущностью человека. Если Вас заинтересует творчество Тетровского, то я Вам покажу, как оно развернулось дальше и каковы его результаты.

По форме дальнейшее уже творит женщина, оплодотворенная духовно Тетровским[3]. История любопытна и оригинальна. Правда в ней, как и во всякой нашей правде, может быть спорна, но я горела страстно, бескорыстно, самоотверженно, и эта *правда мук* — всегда есть и будет для людей нужной и ценной. Пускай другие идут дальше, а я к такому и так пришла.

Должна сказать Вам, что я здорова, как никогда не была, нахожусь в здравом уме и твердой памяти. А если волнуюсь сейчас, так из опасения, что Вы не захотите со мной знакомиться по-настоящему. А мне это надо, и не для меня одной. Я уже писала Вам, почему. Когда прочтете, может Вам удобней, если я к Вам приду. А то приходите ко мне[4].

Ваша Н.Санжарь.

[1] К письму была приложена рукопись повести. Ср. запись в записной книжке Блока от 10 января 1914: «Рукопись "Тетровский" с письмом от Санжарь» (ЗК, 200). Описание встречи с Тетровским см.: Санжарь Н. Книга о человеке. Первая. Указ. изд. С.35-89.

[2] Ср. с письмом Блока Санжарь от 5 января 1914: «Мы такие разные. /.../ мы действуем в совершенно разных областях /.../» (8, 432).

[3] Этот план был частично реализован в советское время — в неопубликованных повестях Санжарь «Дадя» (1923) и «Письма к тов. Адольфу» (1925-1928).

[4] Блок посетил Санжарь 13 января 1914 — см.: ЗК, 201.